

К ИСТОРИИ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ

Как известно со второй половины 80-х гг. XX века перед Республикой открылись новые перспективы, которые в первую очередь связаны с провозглашением суверенитета постсоветских государств. За этот период времени проведены многопрофильные реформы главной целью которых, была модернизация политической, социально-экономической системы государства до уровня цивилизованных стран мира. Как отмечает Президент РК Н.А.Назарбаев «...Все это требует от государства выверенной социальной политики. И мне приходится постоянно держать социальные вопросы на контроле, постоянно к ним возвращаться» [1]. В центре многопрофильной задачи ускоренной модернизации общества была и остается социальная сфера. В каждом Послании Президента и программных документах государства красной нитью проходит понятие модернизация. В настоящей статье нами сознательно избраны в качестве объекта освещения историко-теоретические аспекты модернизации. Модернизация в первом, широком, смысле слова, как движение от «традиционности» к «современности» (в той или иной степени включающее в себя и все прочие интерпретации), трактуется исследователями как протяженный, охватывающий несколько столетий всеобъемлющий исторический процесс инновационных мероприятий, обусловленный действием в первую очередь эндогенных факторов, которые, в свою очередь, могут быть представлены как совокупность подпроцессов: структурной и функциональной дифференциации общества, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, социальной и политической мобилизации, демократизации, становления современных ценностно-мотивационных механизмов, образовательной и коммуникативной революций [2]. Специально для изучения процесса модернизации во второй половине 50–60-х гг. XX века был сформулирован теоретический подход модернизационный, получивший широкое распространение в исторических и историко-социологических исследованиях. Фактически все представители ранней модернизационной перспективы, несмотря на различную дисциплинарную принадлежность, разделяли ряд теоретико-методологических предположений эволюционистского и структурно-функционалистского толка, что обусловило создание в качестве первичной теоретико-методологической конструкции линейной модели изучения модернизации. Классические модернизационные исследования основывались на предположении, что социальное изменение линейный процесс, включающий преобразование традиционных, аграрных обществ в современные, индустриальные общества. В рамках данного подхода процесс модернизации рассматривался как революционный, связанный с «революционными», радикальными и всеобъемлющими трансформациями моделей человеческого существования и деятельности при переходе от традиционности к современности. В рамках линейной модели модернизация рассматривалась как системный имманентный процесс, интегрировавший в связанное целое факторы и атрибуты модернизации, которые должны были появляться в кластерах, а не в изоляции. Сторонники линейной модели полагали, что модернизация это процесс, обладающий собственным отличительным качеством, которое может объяснить, почему современность переживается как спаянная целостность среди людей, живущих по своим правилам. Различные элементы модернизации тесно связаны между собой, «потому что в определенном историческом смысле они должны приходить вместе» [3]. Линейная модель порождала представление о

модернизации как глобальном процессе, который обеспечивался как распространением современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру, так и эндогенным развитием неевропейских сообществ. Все общества, по мнению сторонников данной модели, можно было распределить вдоль оси, идущей от традиционности к современности. Эволюция охватывала в рамках определенных стадий или фаз модернизации, через которые должны были пройти все общества (например, обычно выделяемые стадии традиционного, переходного и модернизированного обществ; четыре фазы модернизации: 1) вызов modernity — первоначальная конфронтация общества, характеризующегося традиционным уровнем знания, с современными идеями и институтами, появление в нем сторонников модернизации; 2) консолидация модернизаторской элиты-переход власти от традиционных к модернизаторским лидерам в процессе обыкновенно ожесточенной революционной борьбы, которая может длиться несколько поколений; 3) экономическая и социальная трансформация — экономический рост и социальные изменения до момента, когда общество трансформируется из преимущественно аграрного с доминированием сельского образа жизни в преимущественно урбанизированное и индустриальное; 4) интеграция общества — фаза, на которой экономическая и социальная трансформация продуцирует фундаментальную реорганизацию социальной структуры общества [4]. В рамках линейной модели процесс модернизации рисовался как процесс унификации. Ряд исследователей предлагали несколько отличную периодизацию: 1) предпосылки модернизации; 2) социетальная трансформация; 3) продвинутая модернизация; 4) международная интеграция постепенной конвергенции сообществ. Модернизация считалась необратимым и прогрессивным процессом [5]. Объясняя, как и почему происходят социальные изменения, теория модернизации 50–60-х гг. XX века явно или неявно акцентировала внимание, прежде всего, на рыночный модель развития, игнорируя или расценивая в качестве временной aberrации на пути к рыночным отношениям исторический опыт стран мира. Тем не менее, уже в середине 60-х гг. прошлого века в монографии «Политика модернизации» анализировался социалистический эксперимент в качестве одной из двух моделей модернизации. По этому варианту предполагалось, что модернизация требует наличия трех условий: 1) социальной системы, способной адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам; 2) гибких социальных структур, в том числе широкого разделения труда или структурной дифференциации; 3) социального контекста, способного обеспечить навыки и знания, необходимые для осуществления технологических трансформаций. Анализируя эмпирический материал на предмет присутствия данных условий, выделялись две модели модернизации: 1) «секулярно либертарианская» или консенсусная система (система согласований): характеризуется плюралистическим, диверсифицированным распределением власти и лидерства, прагматическими, состязательными партиями и акцентом на компромиссе (США, Западная Европа и другие либеральные демократические государства); 2) «священная общность» или мобилизационная система: характеризуется политической «религиозностью», персонализированным или харизматическим лидерством и однопартийной системой (постсоветское пространство и большинство стран афроазиатского региона) [6]. Примерно тогда же были выделены три модели (траектории) модернизации: а) под руководством буржуазии (Великобритания, США); б) под руководством аристократии (Германия, Япония); в) крестьянскую (СССР, КНР). Теоретически допуская возможность четвертого пути (Индия), исследователи выражали сомнения в его осуществимости. Следовательно, для каждого модернизирующегося общества существует возможность выбора пути: через строительство, например, либерального капитализма, реакционного фашизма или революционного коммунизма [7]. Следующий, социально-процессуальный подход акцентирует внимание на процессах индустриализации, урбанизации, бюрократизации, коммерциализации, секуляризации, распространения грамотности, профессиональной мобильности и взаимоотношениях между ними [8].

Эффективность социально-процессуального подхода заключается в стремлении установить характер взаимосвязей между переменными, характеризующими различные процессы. Правда, переменные, которые используются в рамках данного подхода, отражают скорее уровень, а не степень изменений. Сравнительно-исторические модели дают возможность сопоставлять региональные (страновые) варианты модернизации, реконструировать общие стадии и специфические исторические маршруты, которыми могут двигаться общества [9]. Между тем историческая реальность демонстрировала такие возможности (например, авторитарные модели развития Тайваня или Южной Кореи). Критики обвиняли модернизационную школу в чрезмерном оптимизме. Сторонники модернизационного подхода, по их мнению, ошибочно полагали, что раз Запад стал развитым, то и другие страны в состоянии пройти тот же путь. Исследователи не изучали серьезно возможность «не развития». Многие критики утверждали, что перспективы развития стран крайне неопределенны, что существует реальная опасность слома, сворачивания модернизации, например, как в Эфиопии, где люди столкнулись с проблемой голода, а нация оказалась на грани вымирания. Оппоненты утверждали и то, что за последнее столетие положение многих стран избравших путь модернизации ухудшилось. По мнению сторонников теории зависимого развития, индустриальные общества искажают и тормозят индустриальное развитие в странах путем навязывания конкуренции со своей промышленной продукцией собственно на внутренних и внешних рынках государств, а также путем размещения своих производств на территории этих стран с целью выгодного использования дешевой рабочей силы при перемещении туда исключительно трудоемких и нетехнологичных производственных процессов. Все это поддерживает состояние технологической отсталости «периферии». Вследствие этого зависимые общества вынуждены придавать чрезмерное значение производству сырья. В зависимо развивающихся обществах доля индустриального сектора обычно незначительна, преобладают отсталые экономические сектора. Местные рынки блокируются импортом, низкими зарплатами и низкой производительностью. Перспективным направлением совершенствования модернизационной парадигмы стала разработка модели парциальной частичной модернизации. Представление о модернизации как длительном переходе от «относительно не модернизированных» к «относительно модернизированным» обществам, высказанное в одной из ранних работ по проблемам теории модернизации, получило углубленное развитие в более поздней концепции парциальной или частичной, фрагментированной модернизации. Часто такие социальные несообразности представляют собой временное явление, сопровождающее ускоренные социальные изменения. Но нередко они закрепляются и сохраняются на протяжении поколений. Именно такие устойчивые формы существования разнородных социальных структур являются предметом исследования. Если давать формальное определение, то частичная модернизация представляет собой такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур [10]. Таким образом, данный подход означал предоставление права на существование еще одному пути (ответвлению), пускай неполноценному, от традиционности к современности. В определенной степени выдвижение модели парциальной модернизации являлось шагом от линейного видения исторического процесса в сторону парадигмы, подразумевавшей возможность многолинейной динамики. Парциальная модель, как и линейная, основывалась на структурно-системном подходе, однако, она поставила под сомнение множество признаков линейной модели (революционный, комплексный, системный, глобальный, стадийный, конвергенционный, необратимый характер модернизации). Исследованиям 80-х гг. прошлого столетия, на наш взгляд, свойствен более исторический подход или внимательное отношение к опыту. Вместо того, чтобы иллюстрировать теорию конкретными примерами, специалисты

использовали теорию для объяснения уникальных конкретных ситуаций. История возвращалась в работы, дабы продемонстрировать специфичность развития в конкретных странах [11]. В 1970–1990-е гг. мир стал свидетелем двух сдвигов глобального значения, которые создали значительные трудности для теорий, конкурировавших с модернизационной парадигмой. Во-первых, произошли грандиозные трансформации в Восточной Азии, которые сопровождалась ускоренной модернизацией стран «конфуцианско-дальневосточной цивилизации», следующих по японскому пути (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Малайзия), и становлением их весомыми конкурентами наиболее развитых стран мира. При этом социально-экономический рост «азиатских тигров» не сопровождался серьезным усилением в них социального неравенства, что было характерно для многих других развивающихся современных регионов и для большинства стран Запада в XIX в. Восточно-азиатское «чудо» нанесло существенный удар по миросистемной теории, поскольку оно плохо вписывается в ее концептуальные рамки. Вторым важным сдвигом, еще менее ожидаемым и даже более стремительным, по сравнению с первым, явилась социально-политическая трансформация советской империи, которая началась с признания провала прежней политики в сфере экономики и поиска путей экономической и политической модернизации («перестройка»). Затем последовал каскад политических событий, приведших к объединению Германии, падению политических режимов в СССР и странах Центральной Восточной Европы. Несмотря на то, что все эти процессы в определенной степени стимулировались внешними факторами (сопоставление жизненных уровней в странах с различным социальным устройством; война в Афганистане, ставшая для СССР чем-то вроде Вьетнама для США), главными движущими силами трансформации стали причины внутреннего происхождения. После известных политических событий в странах ЦВЕ развернулись исследования проблем перехода («транзиции») постсоветских обществ, которые проводились в широком дисциплинарном диапазоне. При этом признавалось продуктивным использование модернизационной перспективы. Можно утверждать, что трансформация стран ЦВЕ способствовала гальванизации теорий модернизации. Однако одновременно раздавались предостережения против буквального использования устаревшей версии модернизационной перспективы образца 1960-х гг. Трансформация стран постсоветского пространства потребовала дальнейшего развития модернизационной перспективы. При этом, как и прежде, переосмысление модернизационного комплекса продвигалось во многом в русле критики эволюционизма и функционализма, заложенных в теоретической матрице перспективы, а также эволюции от высокого уровня абстракции к эмпирическим исследованиям. На наш взгляд, опыт социальной модернизации в целом, постсоветского пространства, в частности, объективно требует разработки современной версии модернизационных исследований (неомодернизационный или постмодернизационный анализ), где теоретическое ядро современной версии модернизации должна включать следующие положения: первое, отказ от односторонней трактовки модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей; признание возможности собственных оригинальных путей развития (национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную социокультурную окраску). Не существует какого-то фиксированного «центра modernity», напротив, возможно наличие нескольких «эпицентров» модернизации, число которых может пополняться. Следует иметь в виду перемещение центра модернизации в Восточную Азию; второе, признание конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода; придание ей статуса дополнительного фактора развития. В частности, необходимо пересмотреть в свете новых исторических реалий вопрос о роли религии в процессе модернизации. Как показывает опыт постсоветских стран и Казахстана роль религии может быть весьма значительной. Религия может выполнять функцию легитимизации и мобилизации населения на непредсказуемые

действия. Она же обеспечивает делегитимизацию неэффективного политического строя и стимулирует сопротивление авторитарным или тоталитарным режимам. Это подтверждается потенциальной и актуальной ролью религии как «рычага социальных изменений»; третье, уделять большее, чем прежде, внимание внешним, международным факторам, глобальному контексту. Хотя исследования по-прежнему фокусируются во многом на внутренние факторы модернизации, не следует отрицать роли, которую играют внешние факторы в модификации процессов развития. Модернизация современными исследователями рассматривается скорее как эндогенно-экзогенный процесс. Подобное видение существенно отличается от классического, в рамках которого наука анализировала преимущественно внутренние переменные, такие как социальные институты и культурные ценности; четвертое, отход от эволюционистского телеологизма. Акцентирование внимания не на анонимных законах эволюции, а на роли социальных акторов (коллективов и индивидов), всегда обладающих возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства; пятое, историчность подхода. Инкорпорация в теоретическую модель фактора исторической случайности; признание необходимости рассмотрения трансформационных процессов в рамках конкретной «исторической констелляции». Акцент на пространственно-временной горизонт акторов, в соответствии с которым выстраиваются новые линии развития. Признание зависимости между результативностью модернизации и гармонией между культурными, политическими, экономическими ценностями и приоритетами и наличными ресурсами; шестое, отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации. Признание возможности различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации. К примеру, отдельные сектора или группы акторов действительно могут сознательно постоянно следовать по пути модернизации; некоторые группы могут делать это лишь на протяжении какого-то временного отрезка; отдельные акторы вообще могут отвергать движение по пути модернизации (например, те, кто имеет доступ к ресурсам в рамках старого институционального устройства); седьмое, осознание некорректности интерпретации модернизации как непрерывного процесса, даже если конкретным обществом пройдена стадия «взлета» (по У. Росту «take-off»). Признание необходимости более внимательного отношения к такому аспекту динамики модернизации, как циклическая природа данного процесса. Существуют периоды расширенной деятельности по изменению или совершенствованию социальных структур или институционального устройства не только внутри, но и между обществами, и имеют место другие периоды, когда наступают удовлетворенность и усталость, сопровождаемые лишь слабыми попытками подъема и обновления. Такие периоды кажущейся неактивности могут быть эпохами упадка (например, последовавший после грандиозного взлета период стагнации в истории Нидерландов в XVIII в.) или медленного скрытого вызревания инноваций и новой ментальности, еще не проникших в официальный институциональный порядок и властные структуры [12]. Модернизационный подход призван, в первую очередь, решать вопросы, связанные с объяснением перехода от традиционного, аграрного к индустриальному, современному обществу. Данные проблемы сохраняют свою актуальность для значительной части стран и этносов, населяющих современную планету; весьма значима данная проблема и для Республики Казахстан, которая под стратегией Н.А. Назарбаева осуществляет грандиозную трансформацию, призванную завершить формирование современного общества. В этой связи хотелось бы особо подчеркнуть теоретическую значимость модернизационного направления недавно обнародованной Программы «Казахстан-2050», плодотворность его использования для объяснения механизмов широких исторических процессов [13]. Необходимо при этом помнить, что проблематика модернизации рассматривается не только в рамках модернизационного подхода, но и в контексте других макроисторических теорий, конструирующих собственные модели модернизации:

предлагающих свои трактовки хронологии, предпосылок, движущих сил, механизмов, последствий перехода от традиционного к современному обществу. Значительная часть теоретических подходов связывает этот переход с генезисом прежней системы. Однако, имеются и иные теоретические трактовки этого грандиозного перехода: это фигурационная теория процесса цивилизации, предусматривающая концептуальную схему эволюции от суверенной монархии к дисциплинарному обществу, а затем к обществу контроля.

Литература 1. Назарбаев Н. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего труда. Астана, 2012. -С.1. 2. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / Под ред. В. В. Алексеева. М., 2000; Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006; Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005. 3. Lerner D. *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. N.-Y.; L., 1965. P. 438. 4. Apter D. *The Politics of Modernization*. Chicago, L., 1965; *Idem. Rethinking Development: Modernization, Dependency, and Postmodern Politics*. Newbury Park, 1987. 5. Almond G. A., Coleman J. S. *The Politics of Developing Areas*. Princeton, 1960. 6. Rueschemeyer D. *Partial modernization // Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons*. N.-Y., 1976. Vol. 2. P. 756–72; Волков Л.Б. Теория модернизации-пересмотр либеральных взглядов на общественно-политическое развитие (Обзор англо-американской литературы) // *Критический анализ буржуазных теорий модернизации: сб. обзоров*. М., 1985. С. 72, 73; Bendix R. *Tradition and modernity reconsidered // Comparative studies in society and history*. Hague, 1967. Vol. 9. № 1. P. 330. 7. Huntington S. *Will More Countries Become Democratic? // Political Science Quarterly*. 1984. № 99. P. 193–18. 8. Grancelli B. (ed.). *Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe*. Berlin; N.-Y., 1995; СоА. У. *Social Change and Development...*; Цапф В. Теория модернизации различие путей общественного развития // *Социс*. 1998. № 8. С. 16, 17; Штомпка П. *Социология социальных изменений*; Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М., 2000; Турен А. *Возвращение человека действующего. Очерк социологии*. М., 1998; Инглегарт Р. *Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология*. М., 1999. С. 267, 268. 9. Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. *Глобальный капитализм: три великие трансформации*. М., 2008; Поланьи К. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб., 2002; Валлерстайн И. *Миросистемный анализ: Введение*. М., 2006; Арриги Дж. *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени*. М., 2006; Лахман Р. *Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени*. М., 2010. 10. Элиас Н. *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования*. М.; СПб., 2001. Т. 1: *Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада*; Т. 2: *Изменения в обществе. Проект теории цивилизации*; Он же. *Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история*. М., 2002. 11. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М., 1999; Он же. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. М., 1966; Он же. *Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году*. СПб., 2005. 12. Делёз Ж. *Переговоры. 1972–1990*. СПб., 2004. С. 215–233; Бодрийяр Ж. *В тени молчаливого большинства, или конец социального*. Екатеринбург, 2000; Он же. *Америка*. СПб., 2000. 13. Назарбаев Н.А. «Стратегия Казахстан-2050: новый политический курс состоявшегося государства». Астана, 2012.